
ИГОРЬ
ЧЕВЕЛЕВ
ЕЙ
ОСТАЛОСЬ
ТРИ
ДНЯ...
ЗАМУЖЕМ
ЗА СОБСТВЕННОЙ
СМЕРТЬЮ
18+

Игорь Чевелев

Замужем за собственной смертью

https://litres.ru/74711378
SelfPub; 2026

Аннотация

Мира Соколец восемь лет переписывает чужие сроки в Книге Сроков и знает главное правило писарей: свою строку не читают. В четверг она нарушила его. До смерти осталось три дня, а придёт за ней Жнец по имени Вран.

В Статуте Палаты есть старая статья: пока супруги живут под одной крышей, срок откладывается. И Мира делает единственное, что приходит ей в голову. Она выходит замуж за собственную смерть.

Теперь Жнец живёт в её доме среди сорока часов, которые остановились на шести часах двух минутах, а в Палате уже пишут донос. Чтобы выжить, Мире придётся понять, кто и зачем веками правит Книгу и сколько на самом деле стоит одна строка.

Готический роман о смерти, браке по расчёту и о том, что иногда самая страшная дверь та, которую открываешь сама.

Содержание

Глава 1. Три дня 4
Три дня 4
Глава 2. Статья четвёртая 9
Статья четвёртая 9
Глава 3. Час волка 16
Час волка 16
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Игорь Чевелев
Замужем за собственной смертью

Глава 1. Три дня

Три дня

Я прочитала свою строку в Книге Сроков в четверг, в половине одиннадцатого вечера, и мне оставалось три дня.

Этого нельзя делать. Это первое, что говорят писарю, когда дают ему перо: своя строка не читается. Не потому, что запрещено, хотя запрещено. Потому что потом нельзя не знать.

Я знала это восемь лет. Восемь лет я переписывала чужие строки в своды Девятого круга, заверяла, подшивала, носила в архив, и ни разу не посмотрела туда, где должна была стоять моя. Это нетрудно. Книга огромная, Зала под куполом тёмная, строки идут по кругам и по улицам, и чтобы найти Часовую улицу, дом семь, надо захотеть.

В четверг я захотела.

Я до сих пор не могу объяснить, почему. Тома потом ска-

зала, что это как с чесоткой: восемь лет не чешешь, а потом один раз, и всё. Я думаю, что всё было проще. В четверг у меня на столе лежал свод за грудень, и в нём, на четвёртой странице, было имя соседки, Марфы с Косой улицы, и срок у неё стоял на завтра. Я носила ей хлеб по пятницам. Я подумала, что завтра не понесу. И потом я подумала, что когда-нибудь кто-то не понесёт хлеб мне, и захотела знать, когда.

Зала после десяти пустая. Сторож на входе спит, это известно всем, кто остаётся переписывать по ночам, а остаюсь я одна, потому что днём в Палате шумно, а ночью Книга тише. Это не метафора. Днём она шуршит. Ночью почти нет.

Я зажгла свечу, подошла к Книге, нашла Девятый круг, Часовую улицу. Дом семь. Соколец Ян, часовщик, мой отец: срок через девятнадцать лет, в липень. Я выдохнула. Я не собиралась смотреть на его строку, но она была рядом, и я прочитала, и мне стало легче, и это было последнее, что мне стало легче в ту ночь.

Ниже. Соколец Мира, писарь.

«Срок: четырнадцатого грудня, час волка. Жнец: Вран».

Я прочитала это три раза, потому что в первый раз показалось, что четырнадцатого липня. Потом что грудня, но следующего года. Потом свеча наклонилась, воск упал на страницу, и я увидела, как Книга его впитала, как впитывает всё, что на неё попадает, и буквы остались те же.

Четырнадцатого грудня. Сегодня было одиннадцатое.

Час волка - это от трёх до четырёх ночи. Так называют этот час Жнецы, и так называем его мы, потому что они приходят в это время чаще всего. В час волка умирают старики, младенцы и те, кому не повезло. Мне, судя по строке, не повезло.

Я стояла с воском на пальцах и смотрела на имя. Вран. Девятый круг. Я переписывала его имя восемь лет, оно стояло в каждой пятой строке моего круга, оно было короткое и удобное для пера. Я ни разу не видела его самого. Жнецов видят только те, за кем они приходят, и те, кто рядом. Я была рядом один раз, в девять лет, когда пришли за мамой. Тогда был не Вран. Тогда была женщина в сером, и она ничего не сказала, и мама тоже, и утром отец остановил все часы в лавке на час, а потом завёл.

Я подумала, что через три дня он остановит их снова.

Потом я подумала: три дня. И села на пол у Книги, потому что ноги перестали держать, и так сидела, пока свеча не догорела, и сторож не проснулся, и не пришёл проверить, почему в Зале темно.

- Соколец? - сказал он от двери. - Ты чего на полу?
- Упала.
- Ушиблась?
- Нет. - Я встала. - Я читала свод.
- Ночью.
- Ночью тише.

Он посмотрел на меня, на Книгу, на огарок на полу, и

у него было лицо человека, который сторожит Палату двадцать лет и видел, как писари сидят на полу у Книги, и знает, что это значит, и знает, что спрашивать не надо.

- Иди домой, Мира, - сказал он. - Утром приходи как обычно.

- Как обычно.

- Как обычно. Это главное.

Я шла домой по Писарской, потом по набережной, потом по Часовой. Туман с Темени поднялся до вторых этажей, фонари в нём висели, как яблоки в молоке, и я шла и считала. Не дни. Дни я уже посчитала. Я считала, что надо успеть.

Сказать отцу. Нет. Не сказать. Он остановит часы раньше срока, и будет три дня сидеть в лавке и не заводить, и я не хочу, чтобы последнее, что я помню про дом, это тишина.

Отдать свод Томе. Она переписывает хуже, но заверяет аккуратнее. Пусть будет Тома.

Хлеб Марфе. Завтра пятница. Понесу. Она умрёт завтра ночью, у неё срок, а у меня в субботу ещё целый день, и я могу отнести хлеб человеку, которому осталось меньше, чем мне. Это странное утешение, но в тумане на Часовой в полночь других не было.

У двери лавки я остановилась.

Вывеска: «Соколец и дочь». Отец дописал «и дочь», когда мне было семь. Я тогда не понимала, зачем, у меня не было ни одной мысли про часы, я хотела быть писарем, потому что у писарей чистые руки. Он сказал: «Вывеска - это не про

часы. Это про то, кто в доме».

Я открыла дверь. Колокольчик. Часы в лавке тикали, сорок штук, каждые по-своему, и это был звук, с которым я засыпала с рождения.

Отец спал наверху. Я поднялась тихо, легла, не раздеваясь, и лежала, и слушала сорок часов, и думала, что когда идёшь по Книге Сроков, ты всегда знаешь, что рядом с каждой строкой есть другая. Чья-то. И что у Жнеца, который придёт ко мне в час волка, тоже есть строка. Он тоже в Книге. Его тоже записали.

Жнецы - это лица. Так написано в Статуте, глава первая. Я переписывала это десять раз на экзамене.

Лица. У лиц есть права. Права записаны. То, что записано, можно прочитать.

Я села в постели.

Я писарь. Я восемь лет делаю одно: читаю то, что записано, и ищу, где что лежит. Если в Статуте есть строчка про то, кого Жнец не может забрать, я её найду.

За три дня я найду что угодно.

Внизу часы пробили час. Сорок раз, вразнобой, как всегда. Я подумала, что до часа волка осталось два часа, и что это не мой час волка, у меня их впереди ещё три, и что это самая странная мысль, какая у меня была в жизни.

Я легла. Я не спала. Я составляла в голове список глав Статута, которые надо перечитать, и список был длинный, и это помогало.

Глава 2. Статья четвёртая

Статья четвёртая

Утром отец сказал, что я плохо выгляжу, и я сказала, что переписывала до ночи, и это была правда, если считать одну строку.

Он стоял за прилавком в фартуке, с лупой на лбу, и разбирал карманные часы какого-то купца с Соляной. Сорок часов на стенах тикали. Каждое утро, сколько я себя помню, он сверял их по большим напольным у двери, и каждое утро они всё равно расходились к обеду, и он говорил, что это нормально, что время у всех своё, а напольные нужны, чтобы было с чем спорить.

- Ты завтракала?
- Нет.
- Хлеб на столе. Марфе отнесёшь?
- Сегодня пятница.
- Я знаю, какой день. Я спрашиваю, отнесёшь ли.
- Отнесу.

Он посмотрел на меня поверх лупы. У него были глаза, которые видели шестерёнку размером с ресницу и не видели, когда я вру, и за это я его любила отдельно.

- Мира.

- Что?

- Ничего. Ешь.

Я съела хлеб, завернула второй кусок для Марфы, надела серый писарский плащ и вышла в туман. На пороге я обернулась. Отец наклонился над часами купца, и лупа блестела, и сорок часов тикали, и я подумала, что ещё два раза увижу это утро, и пошла быстрее, чтобы не думать.

Палата днём шумит. Это сорок писарей, двенадцать кругов, своды, заверители, просители у окошек, стража у Залы, и под всем этим Книга, которая шуршит, как шуршат страницы, когда в них пишут, а в ней пишут всегда.

Тома сидела за соседним столом и переписывала Третий круг. Тома переписывает так: язык в углу рта, перо под неправильным углом, кляксы через строку, но ни одной ошибки в именах. За это её держат. Имена важнее клякс.

- Ты зелёная, - сказала она, не поднимая головы.

- Я не спала.

- Из-за чего?

- Из-за Статута.

Она подняла голову.

- Мира. Статут - это то, из-за чего спят. Это самая скучная книга в Верхоле. Я на экзамене уснула на главе четвёртой, и мне поставили зачёт, потому что все спят на четвёртой.

- Мне нужна девятая.

- Какая девятая?

- О браках и наследовании сроков.

Тома положила перо. Это было событие. Тома не кладёт перо, она кладёт голову на стол рядом с пером, когда устаёт, но перо не выпускает.

- Ты выходишь замуж?

- Нет.

- Тогда зачем тебе девятая?

- Потом, - сказала я. - Прикрой меня до обеда. Скажи, что я в архиве сверяю своды.

- Ты в архиве сверяешь своды.

- Вот именно.

Архив Палаты - это подвал. Три этажа вниз, сырость, лампы через одну, и полки, на которых лежит всё, что писари Верхоля написали за шестьсот лет. Статут стоит на первом этаже, у входа, двенадцать томов в коже, и его никто не берёт, потому что все знают, что в нём, и это знание называется экзаменом.

Я сняла девятый том. Он был тяжёлый и пыльный, и когда я его открыла, из него выпал засохший жук.

«Глава девятая. О браках и наследовании сроков».

Я читала стоя, у полки, под лампой, которая горела через одну. Статья первая: брак есть союз двух лиц, записанный Палатой. Статья вторая: Палата записывает всякий брак, заявленный двумя лицами, не состоящими в браке, и не вправе отказать, если лица дееспособны и явились сами. Статья третья: срок супруга не переходит к супруге и обратно, каждому свой.

Статья четвёртая.

Я прочитала её, и у меня в голове стало так тихо, как в Зале ночью.

«Жнец не властен над сроком жены своей, и никто иной не властен, покуда брак стоит. Брак стоит, покуда супруги под одной крышей и покуда Палата не разорвёт его».

Я перечитала. Потом нашла толкование, мелко, внизу, почерком, который был старше моего отца.

«Статья введена в двадцать второй год Верхоля по делу Жницы Велены, бравшей в супруги смертных. Дабы Жнец не был судьёй и палачом в одном доме, срок жены его закрывается на всё время брака. Применяется редко. Жнецы в брак не вступают».

«Применяется редко». Не «не применяется». Редко.

Я стояла с томом в руках и думала так быстро, как не думала никогда.

Жнец не властен над сроком жены своей. Вран мой Жнец. Если я его жена, он не может меня взять. И никто иной не властен: другого не назначат. Покуда брак стоит. Брак стоит, пока мы под одной крышей и пока Палата не разорвёт. Палата обязана записать брак двух лиц. Жнецы по Статуту лица, глава первая, статья девятая, я переписывала это на экзамене десять раз.

Было одно место, где это всё разваливалось, и я знала, какое.

«Двух лиц». Двух. Я была одно. Второе должно было ска-

зать «да».

Жнец, который придёт за мной в час волка в воскресенье, должен был сказать «да» на то, чтобы не прийти.

Я поставила том на место. Жука положила обратно между страниц, не знаю зачем. Поднялась на три этажа и села за свой стол, и Тома посмотрела на меня и сказала:

- Ты белая. Была зелёная, стала белая. Что в девятой главе?

- Статья четвёртая.

- Что в статье четвёртой?

Я сказала. Тихо, потому что Палата шумит, но имена в ней слышат все. Я сказала про строку, про три дня, про час волка, про Врана. Я сказала про Велену, про «применяется редко», про «двух лиц».

Тома слушала с языком в углу рта. Когда я закончила, она убрала язык.

- Ты с ума сошла, - сказала она.

- Да.

- Ты прочитала свою строку.

- Да.

- Это нельзя.

- Я знаю.

- И теперь ты хочешь выйти замуж за Жнеца, чтобы он тебя не забрал.

- Да.

- За того самого, который должен тебя забрать.

- За другого нельзя. Только он не властен. Другие властны по-прежнему. Статья четвёртая говорит «жены своей».

Тома смотрела на меня долго. Потом взяла перо, потому что без пера она не думает, и постучала им по столу.

- Мира. Ты понимаешь, что они не женятся?

- Велена вышла.

- Велена вышла шестьсот лет назад, и после этого написали статью, чтобы больше не выходили. Это как «запрещено курить в архиве». Это не разрешение, это след от пожара.

- Там написано «редко». Не «никогда».

- Там написано «редко», потому что писарь, который это писал, был вежливый. - Она положила перо. - Ладно. Допустим. Допустим, ты права, и статья работает. Где ты его найдёшь? Жнецов не найти. Они приходят, когда срок. К ним не ходят.

- Они приходят, когда срок, - повторила я.

- Да.

- У Марфы с Косой срок сегодня ночью. Я видела в своде. Девятый круг. Жнец Девятого круга.

Тома открыла рот. Закрыла.

- Ты пойдёшь к Марфе.

- Я ношу ей хлеб по пятницам.

- Ты пойдёшь к умирающей женщине, чтобы дождаться Жнеца, который заберёт её, и сделать ему предложение.

- Да.

- Это самое ужасное, что я слышала.

- Я знаю.

- Я с тобой.

Я посмотрела на неё.

- Нет.

- Мира. Ты сейчас сказала, что идёшь ночью в дом, куда придёт Жнец, чтобы попросить его жениться. Если ты думаешь, что я останусь дома переписывать Третий круг, то ты меня восемь лет не знала. - Она взяла перо. - Я буду стоять за дверью. Если ты упадёшь в обморок, я тебя подниму. Если он скажет «нет», я скажу ему, что он дурак. Это всё, что я умею, но это я умею хорошо.

- Он Жнец.

- Он лицо. Глава первая, статья девятая. Лицам можно говорить, что они дураки.

Я засмеялась. Один раз, коротко, и в Палате кто-то обернулся, потому что писари не смеются над сводами, и Тома сделала строгое лицо и показала на мой стол, и я взяла перо и стала переписывать Девятый круг.

Строка Марфы была на четвёртой странице. «Срок: двенадцатого грудня, час волка. Жнец: Вран».

Сегодня было двенадцатое.

Я переписала её ровно, как учили, и заверила, и подумала, что я единственный писарь в Верхоле, который переписывает строку и знает, что сегодня ночью сам её увидит.

Глава 3. Час волка

Час волка

Марфа с Косой улицы умирала так же, как жила: сидя, в кресле у окна, с языком, который работал лучше ног.

- Хлеб принесла? - сказала она, когда я вошла. - Клади на стол. Сама сядь. Ты с ночёвкой?

- Я посижу.

- Посиди. Только не плачь. Я восемьдесят два года не выношу, когда при мне плачут, и не собираюсь начинать сегодня.

Ей было восемьдесят два. У неё был дом в две комнаты, кошка, которая ушла неделю назад и не вернулась, и племянник в Соляном квартале, который приходил раз в месяц за деньгами и ни разу не пришёл за ней. Я носила ей хлеб три года. Это было не милосердие. Это было потому, что она однажды, когда мне было двадцать один, сказала мне на улице: «Ты, девочка, ходишь так, будто тебе всё должны, а тебе ничего не должны, и от этого ты лучше, чем те, кому должны». Я не поняла, но запомнила, и стала носить хлеб, чтобы понять.

Тома осталась за дверью. На лестнице, на ступеньке, в плаще, с лицом «я тут стою и всё». Я сказала Марфе, что это по-

друга, что она боится мёртвых и будет ждать снаружи. Марфа сказала: «Правильно боится. Я тоже боялась, пока не поняла, что сама скоро».

Мы сидели. Свеча на столе, туман за окном, часы на стене, которые чинил мой отец и которые отставали на четыре минуты, потому что Марфа не разрешала их заводить чаще раза в месяц.

- Ты не ко мне пришла, - сказала Марфа в полночь.

- К тебе.

- Девочка. Ты сидишь и смотришь на дверь. Ко мне так не смотрят. Ко мне смотрят с жалостью, а ты смотришь на дверь, как на того, кто опаздывает.

Я ничего не сказала. Она посмотрела на меня, и у неё были глаза, которые восемьдесят два года читали людей на улицах, и она прочитала.

- Ты прочла свою.

- Да.

- Дура.

- Да.

- Когда?

- Послезавтра.

Она помолчала. Кошки не было, и ей не на кого было смотреть, кроме меня.

- Я прочла свою в шестьдесят, - сказала она. - Двадцать два года назад. Заплатила писарю на Писарской, он мне показал. Я три дня не спала, потом подумала: двадцать два года - это

много, и перестала. И вот они прошли, эти двадцать два, и я сижу в кресле, и ничего не изменилось, кроме того, что я знала. - Она посмотрела на дверь. - Что ты ему скажешь?

- Марфа.

- Ты пришла что-то ему сказать. Ко мне с хлебом приходят днём. Ночью приходят к нему.

Я сказала. Коротко. Про статью четвёртую. Про «жены своей». Про «двух лиц».

Марфа слушала с лицом человека, который восемьдесят два года слышит глупости и умеет отличать их от безумия.

- Это глупость, - сказала она. - Не безумие. Глупость. Безумие - это когда не получится. Глупость может получиться.

- Ты думаешь, он скажет «да»?

- Я думаю, что он Жнец, девочка. Он триста лет приходит в час волка и берёт за руку. Ему никто не говорил «женись». Он не знает, что ответить. Это твой единственный шанс: что он не знает.

В два часа она уснула. Я думала, что она не уснёт, что она будет говорить до конца, но она уснула в кресле, с открытым ртом, с рукой на подлокотнике, и дышала ровно, и часы отставали на четыре минуты.

Я сидела и смотрела на дверь.

В три часа дверь не открылась.

Я это помню точно: она не открылась. Не скрипнула, не качнулась, свеча не дрогнула. Просто в комнате стал кто-то, кого не было, так, как в комнате становится холодно: не сра-

зу, а потом замечаешь, что уже давно.

Он стоял у кресла.

Серый плащ. Не чёрный, серый, цвета Темени в тумане. Высокий, с тёмными волосами, которые были мокрые от тумана, хотя дверь не открывалась. Лицо спокойное, молодое, лет тридцати, если бы у него были года. Руки опущены. На левой, на безымянном, железное кольцо, тусклое, без камня.

Я посмотрела на свечу. Свеча горела. На стене была тень от кресла, тень от стола, тень от меня, сидящей на стуле.

Тени от него не было.

Он не смотрел на меня. Он смотрел на Марфу. Потом опустился на одно колено у кресла, медленно, как опускаются люди, у которых есть время, и взял её за руку.

Марфа открыла глаза.

- Ну наконец-то, - сказала она. - Я думала, ты опоздаешь, как кошка.

Он ничего не ответил. Я ждала, что он скажет что-нибудь, хоть слово, хоть «пора», но он молчал, и смотрел ей в лицо, и держал её за руку, и Марфа смотрела на него.

- Девочка хочет тебя о чём-то спросить, - сказала Марфа. - Выслушай. Она дура, но хорошая. Хлеб носит.

Он не повернулся.

Марфа закрыла глаза. Она дышала. Потом дышала реже. Потом он что-то сделал рукой, не сжал, не потянул, просто рука его стала не на её руке, а как будто под ней, и Марфа выдохнула, и больше не вдохнула.

Всё.

Я ждала чего-то. Света, звука, холода. Ничего не было. Женщина сидела в кресле, и была мёртвая, и это было видно сразу, как видно, что часы встали, хотя они ещё показывают время.

Он отпустил её руку. Положил на подлокотник, аккуратно, как кладут вещь. Встал.

И посмотрел на меня.

Глаза были светлые. Не голубые, не серые. Как лёд на Темени в грудень, когда он уже встал, но ещё тонкий, и под ним видно, что вода идёт.

Я встала. Ноги держали, и я этому удивилась.

- Я Мира Соколец, - сказала я. - Девятый круг. Писарь.

Он молчал.

- Ты знаешь мою строку.

Он молчал. Но он знал. Я это видела, потому что он не спросил «какую». Он знал все строки своего круга, это было написано у него на лице так же ясно, как у отца написана лупа.

- Четырнадцатого. Час волка. Ты.

Молчал.

- Женись на мне.

Я сказала это ровно. Я тренировала эту фразу весь день, в архиве, за столом, на лестнице у Марфы, и она вышла ровно, без дрожи, как заверение на своде.

Он смотрел на меня так долго, что свеча успела накло-

ниться.

- Нет, - сказал он.

Голос был низкий, негромкий, и в нём не было ничего. Ни злости, ни жалости. Как у человека, который триста лет говорит одно слово в ночь и бережёт остальные.

- Статья четвёртая, - сказала я. - Глава девятая. Жнец не властен над сроком жены своей. Ты лицо. Я лицо. Палата обязана записать.

- Я знаю статью.

- Тогда почему?

Он посмотрел на Марфу в кресле. Потом на меня.

- Потому что ты думаешь, что знаешь, зачем я приду, - сказал он. - И не знаешь, зачем не прихожу.

- Я не понимаю.

- Нет.

Он повернулся к двери. Дверь не открылась. Он просто перестал быть в комнате, так же, как начал: не сразу, а потом замечаешь, что уже давно. Свеча не дрогнула.

На стене были тени: от кресла, от стола, от меня. И от Марфы, которая сидела в кресле с открытым ртом и была мёртвая.

Я стояла. Потом пошла к двери, открыла, и на ступеньке сидела Тома с лицом «я тут стою и всё», и она посмотрела на меня и встала.

- Ну?

- Нет.

- Дурак, - сказала Тома. Громко, в туман, в ту сторону, куда, как ей казалось, он ушёл. - Ты дурак!

Туман ничего не ответил.

Мы сидели у Марфы до утра. Так положено: кто-то должен сидеть, пока не придёт писарь из Палаты заверить срок, и в Девятом круге писарь был я. Я заверила свою соседку на рассвете, своим пером, своим именем, и это была самая ровная подпись в моей жизни, потому что рука не дрожала. Она не дрожала потому, что я думала.

«Ты думаешь, что знаешь, зачем я приду. И не знаешь, зачем не прихожу».

Он не сказал «никогда». Он не сказал «Жнецы не женятся». Он сказал «нет» и сказал, почему «нет», и его «почему» было не про Статут.

У меня оставался один день. Суббота. И я не знала, где он живёт, и не знала, что значит «зачем не прихожу», и знала только одно: что он не сказал «никогда», и что Марфа была права.

Это была глупость. Не безумие.

Глупость могла получиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.